

Маоистские новости №4 Ноябрь-декабрь 2001 г.

В номере:

- Хроника-Непал
- Хроника-Индия
- Современный маоизм
- Современный Китай
- Маоизм 60-х

ХРОНИКА-НЕПАЛ

Ночью **29 ноября** около 500 маоистов участвовали в бою с войсками в районе города Непалгундж на западе страны. Солдаты регулярной армии штурмовали город, являющийся одной из основных баз повстанцев. Утверждается, что правительственные войска потерь не понесли, маоисты потеряли 120 чел. — вряд ли эти данные точны.

Тем временем, в Катманду в соответствии с законом о чрезвычайном положении начались аресты. В международном аэропорту при попытке сбежать в Индию арестован Падма Ратна Туладхар, руководитель ведущей в стране правозащитной организации, некоторое время назад он выступал посредником в организации переговоров между правительством и маоистами. Во вторник были также задержаны шесть журналистов, обвиняемые в ведении промаоистской пропаганды.

Непал объявил о намерении закупить в России два военных вертолета Ми-17 для борьбы с маоистскими повстанцами. Как заявил минобороны Непала, на вертолетах, возможно, будут установлены приборы ночного видения и вооружение для ударов по боевикам в ночное время. Два вертолёта уже закуплены в Индии.

3 декабря премьер-министр Шех Бахадур Деуба поклялся «с корнем вырвать коммунистическую угрозу» безопасности и стабильности страны

За неделю после введения в стране чрезвычайного положения армия захватила в плен в общей сложности 182 маоистских боевиков. По неподтвержденным данным, в ходе армейской операции были убиты член политбюро КПН(м) Бахадур Богати, представитель маоистов на переговорах с правительством, бывший член парламента Кришна Бахадур Махара и командир военизированных подразделений маоистов Рам Бахадур Тхапа. У боевиков в различных районах страны конфисковано большое количество оружия и боеприпасов.

5 декабря силы безопасности уничтожили около 200 маоистов в вооружённых столкновениях в районе Саллери в 300 км к востоку от Катманду. В ходе боёв, известил официальный представитель ведомства, погибли 40 солдат и полицейских (по данным Минобороны Непала, данные мировых информагентств обычно дают более благоприятные для повстанцев данные). Спецслужбой был арестован Говардан Гаули, командующий повстанческими войсками в трёх западных районах. Была предотвращена попытка подрыва бомбами гидрокомплекса Сункоши и ретрансляционной станции «Непал телекомьюникейшн корпорейшн» в районе Ролпа. Минобороны через СМИ призвало мирное население держаться подальше от мест скопления повстанцев, против которых будут развернуты военные операции на уничтожение.

9 декабря по меньшей мере 50 маоистов и 4 солдата правительственных войск погибли в результате вооружённого столкновения на военном посту на западе Непала (по сообщению Минобороны Непала).

Между тем, согласно прогнозам Центрального статистического бюро Непала, темпы экономического роста в стране в текущем финансовом году могут быть самыми низкими более чем за 10 лет. Причинами этого являются слабые показатели сельскохозяйственного сектора, падение числа туристов и сокращение объема промышленного экспорта. Кроме того, произошло сокращение основных статей экспорта, таких как готовая одежда, шерстяные ковры и шали.

По сообщению МИМ, в связи с Народной Войной в Непале ревизионистская Коммунистическая партия Китая заверила правительство Непала в своей поддержке использования королём армии для подавления тех, кого КПК зовёт «*террористами*».

ХРОНИКА-ИНДИЯ

Запоздавшая новость. 20 августа 2001 г. около 11 часов 10 полицейских, направлявшихся в одну из деревень штата Андхра Прадеш для обеспечения местных выборов, погибли, а ещё двое — получили тяжёлые ранения в результате взрыва джи-па на mine, установленной боевиками КПИ(мл) «Народная война» вблизи небольшой деревеньки на юге Индии.

СОВРЕМЕННЫЙ МАОИЗМ

«МИД» — группа представителей субкультуры панков, хиппи, учащиеся вузов (чаще гуманитарных), подражатели известного ультралевого движения в Америке — «Маоистского интернационалистического движения», унаследовавшего лучшие традиции террористических группировок, таких как «Боевая группа социалистов-революционеров», хунвэйбины и «Чёрные пантеры».

Основной тезис: «Победа над угнетателями любыми способами, в том числе используя их инструментарий для построения дисциплинированной революционной авангардной партии». В Америке партия проводит обширную агитацию населения, в особенности на заводах и в тюрьмах. Московские подражатели пока только выпускают нерегулярные листовки, где довольно невнятно призывают студентов к борьбе с «врагами-буржуями». Ориентировочная численность — около 130 человек.

Амброзия Лири. Революция сегодня // Газета «Первое сентября» №79, 2001 г.

Примечание. Заметка довольно бредова: в России нет «МИД», а есть Российская Маоистская Партия, она не имеет никакого отношения ни к панкам и хиппи, ни к терроризму, данные по составу и численности вообще взяты с потолка и т.п.

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ

В Китае закрыт созданный под крышей Академии общественных наук 11 лет назад журнал «Чжэньли дэ чжуйцю» («Поиск истины»), считавшийся ортодоксально маоистским. Проступок редакции состоял в публикации статьи одного чиновника «*Капиталисты в компартии? Да вы шутите*». Призыв к сохранению рабоче-крестьянской природы КПК был воспринят как антипартийная вылазка, ставящая под сомнения новаторские положения речи Цзян Цзэминя на праздновании 80-летия КПК 1 июля 2001 г. Изюминкой юбилейного выступления генсека стало признание того, что большая часть представителей новых слоёв китайского общества (Цзян упомянул среди них индивидуальных хозяев, частных предпринимателей и лиц свободных профессий) действует в соответствии с установками партии и честно трудится на поприще строительства «*социализма с китайской спецификой*». Цзян Цзэминь поставил задачу привлечь лучших из них в ряды китайской компартии.

Ок. 113 тыс. из 64 млн. членов КПК уже имеют собственный бизнес — они обошли запрет августа 1989 г. на приём в партию эксплуататоров, так как занялись предпринимательством, уже будучи членами КПК. Однако столь откровенный разрыв с марксизмом вызвал негативную реакцию у многих старых партийцев. Заместитель партруководителя северо-восточной провинции Цзилинь Линь Яньчжи предрёк, что вхождение капиталистов в КПК сулит Китаю «*долгий период общественного беспорядка и экономического спада*». В китайском Интернете стали распространяться гневные письма протеста, одно из которых принадлежало бывшему главе отдела пропаганды ЦК КПК Дэн Лицюню.

КПК — капиталистическая партия Китая? Цзян Цзэминь открывает двери для «новых богатых» // «Время новостей»

Основатель и многолетний глава газеты Liberation Серж Жюли сказал как-то, уже на излете семидесятых, что его маоизм 1968 года был идейной химерой чистой воды, самодостаточной выдумкой, имеющей к пекинским реалиям крайне опосредованное отношение. Тогда, признавался Жюли, бунтующему юношеству было необходимо чувствовать собственный миф, шагать в колонне, ориентироваться на актуальный оптимистический авторитет. «Еще бы, когда родители так изолгались, нужно уверить себя, что вообще есть кто-то кому надо верить! И тогда Мао стал для нас воплощением оптимизма. Его прямота и резкость отражалась в наших умах тотальной правдивостью и освобождением. Ну и, конечно же, кормчий был жив!».

Серж Жюли был лидером движения «Пролетарская левая», возникшего после того, как специальный декрет министерства внутренних дел запретил в июне 1968 года маоистский Союз Коммунистической Молодежи. Вообще, в «Пролетарской левой» лидеров насчитывалось с полдюжины. Жюли писал прокламации и нервно теоретизировал — в течение месяца его кидало от Маркузе к Троцкому, от Мао к фрейд-марксизму. Рядом всегда находился Ален Жейсмар — один из талантливейших физиков тогдашней Франции. Время от времени к группе примыкал Андре Глюксманн, а Бернар-Анри Леви был в числе симпатизирующих. В академической среде активно действовал сотрудник журнала «Les Temps Modernes» Ф. Гави. На роль вожака претендовал также молодой Бенни Леви. Взяв себе романтический псевдоним «Пьер Виктор», он ушел на полуправильное положение, что не мешало ему, впрочем, осуществлять постоянную связь с интеллектуальной артиллерией «Пролетарской левой» — Сартром (Леви был одно время секретарем Сартра).

***

За год до «Красного Мая» маоисты СКМ десятками покидали университеты и отправлялись пропагандировать на заводы. К выступлениям первой декады мая они поначалу отнеслись достаточно холодно, и лишь во второй половине месяца маоисты «осознанно» присоединились к беспорядкам в Латинском квартале. Студенческий бунт был для них поначалу олицетворением ненавистной иерархии, забавой молодежи, которой все позволено в силу нехитрой социальной логики. Маоистам же хотелось стирания классов, гибели любой иерархии как таковой. Маоистский шаблон с критикой бюрократии и общества потребления тоже присутствовал, но шел как-то бегом, на втором плане, как дань постулату.

Культурная революция, таким образом, стала для французских маоистов идеалом того, что позже назовут либертарной моделью. Да, тогда они еще не говорили об обществе равных «сообществ», речь пока шла лишь о «сообществе равных». Но идеям свойственно развиваться.

Спустя год после «Красного Мая» Жюли и Жейсмар напишут свою первую книгу «К гражданской войне», где тезис «освобождения и равенства» получит развитие. Теперь лидеры «Пролетарской левой» оценят майские события как несомненную победу на пути к новому обществу — и речь пойдет именно о студентах. Тогда же Жюли, увлеченный идеями Маркузе, скажет, что студенты выбились из узкого социального корсета и отняли у буржуазии ее незыблемую, казалось, прерогативу — «право формировать и воспроизводить знание. Отныне гуманитарный интеллект, а следовательно, и актуальная мораль, будут вне классового контекста». А если сознание свободно, то и подлинное освобождение не за горами. Спустя еще пять лет та же мысль прозвучит в совместной книге Сартра, Гави и Виктора «Бунт — дело правое».

Тогда многие из них были в бегах, кое-кто даже сел ненадолго в тюрьму, а «Пролетарская левая» декларировала переход к городской герилье и занялась производственным саботажем. Тактика все еще оставалась революционной, стратегия была обречена на то, что недавно они сами называли бы «оппортунизмом». Пройдет еще несколько лет и «маоистская элита 1968» наконец-то найдет свое «освобождение». В 1973 году выйдет первый номер Liberation, со страниц которой Жейсмар (теперь публицист и профессор физики в университете Париж-7) заявит, что подлинная революция начинается с «сообщества ближних», и лишь демократизируя его можно добиться общественного блага.

Каждый гражданин (теперь хулиган Жейсмар прямо пишет о «демократизации» и «гражданах») отождествляет себя с узкой группой, — но не узкоклассовой («классы вообще нынче размыты, например, — вместо рабочих «уври» появились наемные служащие — «зарарье»). Женщины, гомосексуалисты, эмигранты-нелегалы, евреи, промышленные рабочие, интеллектуалы, клерки, богема — все они составляющие переставшего быть бинарным общественным полем. Лишь развитие и продуктивное взаимодействие фигур, образующих это поле, дает человечеству оптимистическую перспективу. «Да, друзья, это случилось! Еще пара недель, и красный

процитирует нам Поппера», — саркастически заметил тогда Ален Кривин, неизбежно верный первоисточнику троцкист из Коммунистической революционной лиги.

***

Но подлинный «час отречений» был еще впереди. В конце семидесятых издательство Grasse выпустило несколько книг, авторами которых стали недавние гошистские вожаки. В Grasse заявляли, что серия просто приурочена к юбилею событий 1968 года. Но радикальная пресса твердила свое — издательство наняли рвущиеся к власти социалисты. Цель очевидна — убедить крайне левую интеллигенцию в бессмысленности маргинального бунта и тем самым переманить ее в лагерь Миттерана.

Авторы Grasse писали разными словами, но об одном. Их революция окончилась, по сути, поражением.

Жорж Погам включил в свою книгу «Потерянное поколение» обширную беседу с недавней революционеркой, а ныне авторитетным «социальным исследователем» Франсуазой Леви. Леви высказывалась искренне, но для серьезного в прошлом «активиста» уж чересчур наивно. В мае, говорила она, казалось, что поют даже стены. «А потом мы все столкнулись со скучным сектантством и пошлым вождизмом некоторых наших товарищей. Мне стало невыносимо скучно, и моя революция кончилась», — говорила собеседница Погама. Сходное суждение выдвигал в своей работе и философ Жан-Поль Долле.

Кристиан Жамбэ, именовавший, кстати, себя одно время анархо-либертарием, выступил с более оригинальной концепцией. Жамбэ говорил, что леваки не сумели создать рациональную модель общества вне какой-либо иерархии и их группировки стали лишь карикатурой на «большой мир». Это и есть причина поражения.

Бурю вызвали две вышедшие в Grasse книги: «Отцы-мыслители» Андре Глюксманна и «Варварство с человеческим лицом» Бернара-Анри Леви. Дискуссия о работах «новых философов» началась в вотчине Жюли «Liberation», но вскоре докатилась и до полос «Le Monde».

Мистический анархист Глюксманн явно выбирал теорию малых дел. «Я оставляю мессианство и буду делать что-то здесь и сейчас», — писал он. «Интеллектуал должен не злобствовать, а методично работая, давать миру систему правильных ценностей». Будущее показало, что на этот раз интеллектуальная воля ученика Сартра оказалась тверда. Вся последующая жизнь Глюксманна, и, конечно же, его «новая борьба» (теперь — на фронте гуманитарного действия) — тому яркое подтверждение.

Леви же говорил как законченный исторический пессимист. Философ уверяет, что и его прежний салонный маоизм — лишь дань рефлексии и игре ума, что сейчас он абсолютно доволен, и понимает, что порядок жизни никто не изменит. Ирония Леви и его умение придумывать блестящие афоризмы особенно бесили верных левых. «Подлинная революция — это ваш отказ от революции». «Любить всех значит — не любить никого», «друзья народа — его палачи», «интеллектуал должен мириться с тупиком» — эти сентенции слетали с пера Леви одна за другой, и мало кто из радикальных интеллектуалов мог противопоставить им что-либо кроме криков о «предательстве и цинизме».

***

Палитра идейных трансформаций не исчерпывалась гражданским обществом «Liberation», малыми делами Глюксманна или минором Леви. В семидесятые значительная часть левацкой элиты нашла себя в создании контркультурной прессы. Ведь и «Liberation» задумывалась как маргинальный проект. Elfant terrible интеллектуальной элиты Франции Жан-Эдерн Аллиер издавал свой «L'Idiot International». «Актюэль» печатали трехсоттысячным тиражом. Лицеисты и студенты Эколь Нормаль расхватывали свежие номера «Поп» и «Рэзон Презан».

Здесь, наоборот, царили смех и нарочитая неряшливость. Но это на первый взгляд. По части выверенности идеологической линии эти издания мало чем уступали «Figaro». Просто здесь не учили и не констатировали. Здесь «орали и ржали». За тотальной иронией параллельной прессы стоял не только маркузианский тезис о «конце утопии». Аллиер говорил, что разоблачение лжи и высвечивание пошлости, «этого подлинного механизма нынешней жизни», изменит мир лучше, чем поездки лечить детей третьего мира или организация приюта для нелегальных эмигрантов. Авторы смеялись не только над голлистами и верхушкой соцпартии. Критика касалась вообще всех — от Миттерана до клошара.

Эти «негативные левые» (особенно из нового поколения) ставили себя вне какого-либо контекста, вне общественного сценария — не случайно особенно часто здесь цитировали Ги Дебора. «Партийность» автора поэтому значения не имела — так в «L'Idiot International» анархисты и интеллектуалы из компартии уживались с новым правым Аленом Де Бенуа.

Быть может, следуя своей оригинальной теории, «негативные» тоже шутили. Ведь именно их называли последними романтиками мая. И часто за косыми столбцами иронии, за комиксами в клозетной стилистике мелькал в «Парти При» призрак той самой первой любви:

*«...где твоя революция... Юрген Хольцер,
тощий очкарик из Бохума,
Синие джинсы и свитер,
Лучший крикун северной Рейн-Вестфалии,
Поджигатель
Специалист по пластиду...»*

***

Бунтари стали респектабельными господами. Элитные логи вновь были распределены. Их развязанные шнурки, вечные Gitanes, мятые брюки и заляпанные свитера стали брендом. Своего рода суперпрестижной торговой маркой — как гвардейский мундир при Империи и фрак при Клемансо. Истеблишмент не перенимал их лозунги и стилистику. Просто они сами стали истеблишментом.

Революция действительно произошла. Наивно было бы объяснять ее одним только Марксом. И говорить лишь о некоем «этическом перевороте» — тоже не самый разумный ход. Откуда берется этика, откуда берутся разум и нервы? Из опыта, жизни. «Из классового противоречия, наконец», — сказали бы наши герои году в 1970-м.

Эта революция явила собой феномен тягучести, незавершенности — не как процесс, как явление. На смену традиционному этатизму пришла левая технократия и модифицированная идея гражданского общества. Вообще, теперь говорить о какой-то единой модели стало дурным тоном. «Мужик, ты что, фашист? Каждый решает за себя, вот и все», — парировал как-то в типичной «манере-68» тезис одного консервативного господина ставший к тому времени «зеленым» депутат Европарламента Даниэль Кон-Бендит.

Их юношеский нигилизм, поиски, рефлексия и шатания создали неповторимую интеллектуальную традицию. Они ничего не боялись, и теперь стали своего рода универсальными солдатами. Жюли сидел в новом офисе «Liberation». Жак Саважо читал историю искусств в университете Нанта и вел колонку в «Le Monde». Жейсмар увлекся теорией медиа. Глюксманн колесил по Чечне. Леви сотрудничал в «Le Point». Спойвший себя до смерти Дебор — тот и вовсе стал полубогом, по индексу цитирования он, думается, скоро обгонит и Уорхола, и Маркса.

Когда в конце семидесятых люди Миттерана подняли лозунг «Надо изменить мир!», мало кто вспомнил о том, что соцпартия подобрала эти слова с брусчатки Латинского квартала. В конечном счете, они победили.

[Где твоя революция? От Мао к «обществу граждан»](#)

Знаменитый германский футболист Пауле Брайтнере увлекался литературой маоистского толка, его любимым чтивом в молодости была китайская коммунистическая газета «Пекин-Рундшау» на немецком языке. «Я восхищаюсь Мао», — говорил он. — «Когда один человек выдает каждому из миллиарда своих сограждан по горсти риса в день и весь миллиард доволен, это не может не восхищать». После таких признаний к нему приклеились клички «Маоист» и «Красный Пауль». В 1973 году «Нью-Йорк Таймс» назвала его «символом альтернативной немецкой культуры».

Игорь Гольдес. [Пауль Брайтнер — футбольный лев Бонифаций](#)

Отсюда ощущение постоянной раздвоенности и разочарования, лихорадочные попытки обретения «теоретического эквивалента» несостоявшимся надеждам: если к середине 60-х гг. Rive gauche отверг советский вариант, то на рубеже 60-70-х гг. ему на смену пришла нервная восторженность перед маоизмом, уступившая, (естественно, — можем мы сказать, высокомерно усмехаясь) очередному краху иллюзий. Но при любой смене политических ветров неизменным всегда оставалось одно: неприятие буржуазности и всего того комплекса культурных, социальных и нравственных явлений, что за ней стоит. При этом буржуазность в теориях леворадикальных французских постструктуралистов отождествляется с общечеловеческим, в результате общечеловеческие ценности начинают восприниматься как буржуазные и строгого теоретического разграничения между ними не проводится.

[...]

Заметим в заключение: интересующий нас период в истории телькелизма, т. е. период становления литературоведческого постструктурализма в его первоначальном французском варианте, отличался крайней, даже экзальтированной по своей фразеологии политической радикализацией теоретической мысли. Фактически все, кто создавал это критическое направление, в той или иной мере прошли искушение маоизма. Это относится и к Фуко, и к Кристевой с Соллерсом, и ко многим, многим другим. Пожалуй, лишь Деррида его избежал. Очевидно поэтому он и смог столь безболезненно и органично вписаться в американский духовно-культурный контекст, где в то время царил совершенно иной политический климат.

kiev.philosophy.ru/library/il/6.html

11 января 2002 г.
Составитель: О. Торбасов